

DOI: 10.15372/HSS20160303
УДК 947 (571.1)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НА СЕВЕР СИБИРИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.***

Михаил Викторович Шиловский,
д-р ист. наук, профессор,
Институт истории СО РАН,
630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Статья посвящена анализу специфики политической ссылки на север Сибири в XVIII–начале XX вв. (до февраля 1917 г.). В ней выделяются следующие потоки: представители российской политической элиты периода дворцовых переворотов (конец 1720-х – 1750-е гг.); декабристы; участники восстаний 1830–1831, 1863–1864 гг. в Польше; народники; радикалы конца XIX – начала XX в., преимущественно эсдеки и эсеры. До 1870-х гг. насильственное водворение в арктическую зону политических преступников осуществлялось спорадически. В последующие годы этот процесс приобрел массовый и систематический характер, преследуя цель изоляции революционеров и не обрекая их физическим трудом.

Ключевые слова: политические ссылки, северные районы Сибири, декабристы, народники, социал-демократы, социалисты-революционеры, побеги, вооруженный протест.

M.V. SHILOVSKIY

**POLITICAL EXILE TO THE NORTH OF SIBERIA:
MAIN DEVELOPMENT TRENDS IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY**

Mikhail V. Shilovskiy,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090,
Novosibirsk National Research State University,
2, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

The 18th century Russia witnessed massive exile of political opponents and members of political elites to the empire's remote areas following their power struggle and defeat in the court intrigues. In regard to the northern areas of Siberia until the early nineteenth century such exile was selective and preventative; for the majority of the repressed persons it ended in the exiles' deaths (A.D. Menshikov, A.G. Dolgorukiy, M.G. Golovkin, K.A. Mengden et al.). The area under study had virtually never been used as a place of exile for the Decembrists and participants of the Polish uprising in 1830-1831. Since 1860s the exile to the North became relatively massive, although it had its limitations in terms of the number of exiles who were to serve the sentence. Exile was used for the Narodniks, participants of the 1863 Polish uprising, Social Democrats, Socialist Revolutionaries, anarchists, members of the radical ethnic organizations. In the Yakutsk Oblast deportation of "politicals" was punitive in character. The most radical means of the political exiles' struggle against the political regime and custodial conditions were escapes and armed protests the last of which (Turukhansk revolt in late 1908 – early 1909) turned into a robbery and armed conflict. Exile to the Arctic zone was aimed at isolation of revolutionaries without burdening them with manual labor.

Key words: political exiles, northern areas of Siberia, the Decembrists, the Narodniks, social democrats, Socialist Revolutionaries, escapes, armed protest.

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН 1.32П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Ссылка, используемая властью как принудительное удаление бессрочно или на определенный срок лиц из мест совершения правонарушений, осужденных или признанных в административном порядке в совершении уголовных и политических преступлений, берет отсчет в Сибири с конца XVI в. По характеру отбывания она подразделялась на каторжные работы, поселение и водворение. При абсолютном преобладании среди ссыльных уголовников, в советской историографии политические преступники стали главным объектом исследований. Однако, «надо подчеркнуть и то, что история политической ссылки в Сибири далека от завершения, – констатирует ведущий специалист в области историографии изучаемого явления А.А. Иванов. – До сих пор нет обобщающего исследования пребывания и деятельности ссыльных революционеров в масштабах всей Сибири... Считаем также, что именно сегодня, в условиях, когда историческая наука освободилась от прошлых идеологических наслоений (обретая, впрочем, новые), есть все условия для подлинного изучения, например, ссылки большевиков, их отношений с представителями других партий, роли в местном общественно-опозиционном движении» [1, с. 3].

Неравномерно на этом фоне выглядят результаты исследований политической ссылки в избранных хронологических рамках в арктической зоне Азиатской России – Березовский и Сургутский уезды Тобольской губернии, Туруханский край (северная часть Енисейского уезда), Енисейской губернии, Киренский и Верхоленинский уезды Иркутской губернии и Якутской области. Исходя из имеющихся наработок, попытаемся выявить общие тенденции в эволюции политической ссылки в XVIII–начале XX в. в перечисленных выше территориально-административных образованиях.

Особенности ссылки на север региона в течение XVIII – начала XX вв. заключались в ее относительной малочисленности. Согласно сведениям В.И. Федорова, в 1911 г. по сравнению с 4733 отбывавшими наказание в Якутской области, в том числе 420 политическим (8,8 %), в Иркутской губернии их числилось 55 536, а в Енисейской – 45 545 чел. [2, с. 228, 229]. Полярная зона с незначительной плотностью населения, к тому же преимущественно «инородческого», не могла содержать значительную по численности массу отбывающих наказание. Другой особенностью изучаемой территории явилось отсутствие каторги, здесь не было необходимости в массовом использовании каторжного (принудительного) труда. Единственным исключением стал в XVIII в. Охотск, где в морском порту на погрузочных работах, верфи, выварке соли из морской воды использовался труд каторжан.

Первоначально, особенно в первой половине XVIII в., в период дворцовых переворотов на север в ссылку определяли представителей высшей российской политической и военной элиты. Летом 1728 г. из Тобольска в г. Березов отправилось «потаенное судно», на котором под охраной 20 солдат, двух урядников во главе с капитаном Миклошевским находилась

семья некогда всесильного князя А.Д. Меньшикова. Сам Александр Данилович скончался 12 ноября 1729 г. Через месяц его участь разделила дочь Мария. Дочери Александре и сыну Александру разрешили жить вне острога в своем доме. На их содержание отпускалось по 2 руб. в день. После вступления на престол Анны Иоанновны они возвратились в Петербург.

Вслед за Меньшиковыми в Березов в 1730 г. отправилась семья князя А.Г. Долгорукого. Ее глава с женой вскоре умерли. В 1738 г. подьячий Березовского острога Тишин обвинил старшего сына князя – Ивана в произнесении нескромных речей в адрес императрицы и Э.И. Бирона, после чего князя вывезли в Новгород и, подвергнув пыткам, колесовали. Сопровождавших его в ссылке дворовых людей (31 чел.) этапировали на каторгу в Охотск. Расправились и с сыновьями Ивана: Алексея отправили на Камчатку матросом, Николая и Александра наказали кнутом и урезанием языка – первого сослали в Охотск, второго на Камчатку. Дочерей разослали по сибирским монастырям. После воцарения Елизаветы в 1740 г. оставшихся в живых Долгоруких вернули в Петербург. Последним высокопоставленным ссыльным в Березове стал вице-канцлер А.И. Остерман, скончавшийся здесь в 1747 г.

Особое место в системе сибирской ссылки в XVIII в., как говорилось выше, занимал Охотск, выполнявший роль перевалочной базы с материка в русские владения в Америке. Высочайшим указом от 10 мая 1731 г. первому командиру Охотского порта предписывалось «...заселить Охотск, с учреждением при нем верфи и пристани и отправить туда на поселение неоплатных должников вместо каторги с распределением их в прежнее сословие», т.е. причислив купцов в купцы, мастеровых в мастеровые и т. д. В том же году их прислали 153 чел. [3, с. 20]. В Охотске с февраля по сентябрь 1741 г. отбывал каторгу «в вечной работе под крепким караулом» наказанный кнутом за участие в заговоре А.П. Волынского обер-прокурор Сената генерал-майор Ф.И. Соймонов. В 1757–1763 гг. он в чине тайного советника являлся сибирским губернатором.

Первыми командирами Охотского порта стали лишенные по приказу князя А.Д. Меньшикова в 1727 г. чинов, дворянства, наказанные кнутом и высланные в Жиганское зимовье Якутского уезда генерал-майор, обер-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев и петербургский генерал-полицмейстер, граф А.М. Девьер. Сенатским указом от 29 апреля 1731 г. «Григорий Скорняков-Писарев, который сослан в Сибирь на поселение, и находящейся в Жиганском зимовье, определен в Охотск с тем, чтобы он имел главную команду над тем местом». Через 8 лет 13 апреля 1739 г. императрица Анна Иоанновна предписала отбывающему ссылке Девьеру: «...По прибытии в Охотск сменить Писарева. И поступать по всем его инструкциям. А Писарева по смене, держать под арестом». В декабре 1741 г. уже императрица Елизавета освободила Скорнякова-Писарева из ссылки, а по его прибытии в Петербург в апреле 1743 г. возвратила ему звание, орден и имения. В отношении Девьера в декабре 1741 г.

последовал аналогичный указ, а в феврале 1743 г. ему вернули чин генерал-лейтенанта, графское достоинство и должность генерал-полицмейстера. Кроме Охотска, в Якутии в Среднеколымске находился в ссылке и скончался (1744–1755) вице-канцлер, граф М.Г. Головкин, а в Нижнеколымске – президент Коммерц-коллегии, барон К.Л. Менгден.

Следующей более массовой группой политических ссыльных стали декабристы. Из 124 отправленных в Сибирь 113 принадлежали к дворянскому сословию, военными являлись 105 чел. [4, с. 466]. Уже в первой партии прибывших в конце августа 1826 г. в Иркутск осужденного на поселение Н.Ф. Заикина отправили в Гижигинск. К концу 1826 г. в Якутск, помимо него, доставили А.Н. Андреева 2-го, А. В. Веденяпина 1-го, Н. С. Бобрищева-Пущина 1-го, М.А. Назимова, Н.А. Чижова, С.А. Краснокутского. Сюда же в 1827 г. прибыли А.А. Бестужев-Марлинский и М.И. Муравьев-Апостол. По отбытию сокращенного до года срока каторжных работ в Забайкалье в июне 1828 г. в Якутии оказался З.Г. Чернышев. Впрочем, пробыли они здесь недолго: Веденяпин через два месяца, Заикин и Назимов через пять переводятся в Иркутскую губернию. То же произошло с Бобрищевым-Пушкиным весной и Краснокутским осенью 1827 г., перемещенными в Енисейскую губернию, соответственно в Туруханск и Минусинск. Бестужева-Марлинского и Чернышева в 1829 г. отправили на Кавказ для зачисления рядовыми. Через полгода в июне 1829 г. из Виллойска в Омскую область переехал на поселение Муравьев-Апостол. В августе 1831 г. Андреева 2-го переназначили в Верхнеудинск, но по пути он остановился в Верхоленске Иркутской губернии у поселенного там после каторги декабриста Н.П. Репина, и оба сгорели в ночном пожаре. В январе 1832 г. император Николай I разрешил переселиться в Александровский Завод Чижову. Такие послабления, на мой взгляд, объясняются ходатайствами родственников и слабостью административных органов на далекой окраине, которые были не в состоянии организовать наблюдение за ссыльными.

Отдельная история связана с отбыванием наказания сыном крестьянина-католика П.Ф. Выгодским (Дунцовым), который после каторги в 1828 г. был отправлен на поселение в г. Нарым Томской губ. В 1854 г. «заслушание и дерзость против местного начальства» его заключают в Томский тюремный замок и приговаривают к наказанию плетью, от которого освобождают по манифесту о вошестве на престол Александра II, и ссылке на поселение в Восточную Сибирь (Виллойский округ Якутской области). Здесь он получил послабление, и, будучи приписан к Нюрбинскому крестьянскому селению, вплоть до перемещения в 1871 г. в с. Урик Иркутской губернии проживал в г. Виллойске.

В Западной Сибири в г. Сургуте ссылку отбывал член Общества соединенных славян поручик А.И. Шахирев, скоропостижно скончавшийся от паралича сердца в мае 1828 г. «во время нахождения на птичьем промысле». Сюда же по отбытию каторжных работ

в апреле 1828 г. прибыл бывший полковник В.К. Тизенгаузен, через год переведенный в Ялуторовск. Сравнительно недолго отбывали ссылку в г. Березове А.В. Ентальцов (с июня 1828 по конец 1829 г., по ходатайству сестры переведен в Ялуторовск), И. Ф. Фохт (с января 1828 г. до конца 1829 г., переведен в Курган), А.И. Черкасов (с апреля 1828 г. до конца 1832 г., переведен в Ялуторовск).

В Туруханск был определен на поселение С.И. Кривцов (июнь 1828 г., по ходатайству матери в 1829 г. переведен в Минусинск). Здесь же отбывали ссылку с апреля 1828 г. И.Б. Аврамов и Н.Ф. Лисовский, которым в 1831 г. разрешили заниматься торговлей в пределах Туруханского края и совершать поездки для закупки хлеба и других товаров в Енисейск. Аврамов скончался в 1840 г., следуя на судне с рыбой из Туруханска в Енисейск; Лисовский скоропостижно ушел из жизни в январе 1844 г., находясь по торговым делам за тысячу верст от Туруханска вниз по Енисею. Наиболее известным туруханским поселенцем из числа декабристов стал князь Ф.П. Шаховской, пробывший здесь с 8 сентября 1826 по 12 августа 1827 г. Имея познания в медицине, он лечил местных обывателей. Из 400 руб., присланных родственницей, «заплатил недоимку за пострадавших от неурожая крестьян в размере 370 руб.» [5, с. 145–146]. По инициативе шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа Шаховского переводят в Енисейск, где он, согласно донесению губернатора А.П. Степанова, «впал в сумасшествия» и по повелению Николая I в начале 1829 г. был доставлен для содержания в особом арестантском отделении в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где скончался в мае того же года.

Обобщая информацию о специфике ссылки декабристов в Киренский уезд Иркутской губ., А.А. Иванов резюмирует, что ее тяготы «напрямую зависели от социального положения и материального благосостояния осужденных». В качестве примера он ссылается на А.В. Веденяпина, жившего только на пособие от казны и тщетно пытавшегося заниматься сельским хозяйством. «Иначе сложилась ссыльная жизнь декабриста князя В.М. Голицына. Его семья отправила вслед за ним в Сибирь «верного дядьку» Василия Лазова с тремя крепостными «для заботы о здоровье и облегчении участи сына». Регулярно поступала в Киренск и денежная помощь [6, с. 122–124].

На север ссылали и оппозиционно настроенных представителей казахской национальной элиты. В Березове с 1824 г. недолго находился султан Сартай Чингисов, выступавший против организации в Степном крае внешних округов. В 1851 г. сюда же препроводили сына Кенесары Касымова – султана Джафара как зачинщика беспорядков в Акмолинском округе. В 1832 г. в Западной Сибири, в том числе в Березове и Обдорске, началось размещение участников польского восстания 1831 г., но в последующем на север их не ссылали.

Следующий период истории сибирской ссылки, применительно к изучаемому региону, связан с народническим этапом освободительного движения

в России. Одним из первых после каторги на поселении в Вилюйском остроге в 1871–1883 гг. находился Н.Г. Чернышевский. Итоговых данных по количеству народников, отбывавших ссылку в северных районах Сибири, не имеется. Так, в Якутскую область, согласно подсчетам П.С. Троева, в 1870–1990-е гг. их этапировали 313 чел. [7, с. 303]. По сведениям П.Л. Казаряна, в 1871–1894 гг. в Якутию прибыло 346 политических ссыльных [8, с. 93].

Народническая ссылка отличалась массовостью, разнообразием социального (сословного) состава участников, длительностью пребывания их в местах отбывания наказания, в которых остро стояли проблемы адаптации к местным условиям, поиска оптимального варианта жизнедеятельности. Высланный на 10 лет в Среднеколымск В.Г. Богораз-Тан следующим образом характеризует хозяйственную деятельность невольных обитателей Колымы: «Было нас полсотни человек. Собак у нас было за 200. Десяток неводов. Рыбу ловили на каждого в год пудов 60, дров выставляли в общем до сотни кубов. Все своими собственными белыми руками, – кого же заставишь?... Ничего, справлялись» [9, с. 13].

Противоречивым выглядело взаимодействие ссыльных и местного населения. Например, в 1891 г. в Колымском округе насчитывалось 97 ссыльных разных категорий, большая часть которых находилась на иждивении наследов. «Ссылка эта является наказанием не для ссыльных, а для нас, ни в чем не повинных бедных инородцев Колымского округа», – писали в коллективном обращении наследные старосты в 1899 г. [10, с. 96]. Вместе с тем, среди 313 ссыльных народников Якутской области 24 % имели высшее и почти 32 % среднее образование [7, с. 303]. Они внесли большой вклад в научное изучение, врачебную помощь, развитие музейного дела, культурного досуга в местах своего пребывания.

Отдельную группу среди политических ссыльных рассматриваемого периода составили участники восстания 1863 г. в Польше. В 1863–1894 гг. только в Якутскую область их отправили 255 чел., значительное число среди них составили депортированные за проступки уже после осуждения за участие в восстании [11, с. 19]. Такой массовый «наплыв» вынудил местные власти существенно расширить географию расселения репрессированных. В частности, после прибытия 2 марта 1866 г. в Верхоянск В. Пужицкого началась история верхоянской политической ссылки. На север Западной Сибири (Березов, Сургут) поляков перемещали из более южных районов в порядке наказания за конфликты с местной администрацией, «испорченную нравственность и развратное поведение». Так, в июне 1866 г. полиции показалось подозрительным хождение ссыльных в Сургуте мимо порохового погреба, в результате всех их перевели в Березов [12, с. 38–39].

С середины 1890-х гг. среди ссыльных, в том числе в северных районах, стали преобладать социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты,

представители национальных политических объединений. Изменялись и условия распределения и содержания политических преступников. Согласно утвержденному 14 августа 1881 г. положению «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» увеличивалось число ссылаемых в Восточную Сибирь в административном порядке. По распоряжению восточносибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина от 2 мая 1882 г. окончивших сроки пребывания на Нерчинской каторге надлежало направлять на поселение в Якутскую область. 22 мая 1886 г. последовало высочайшее соизволение при рассмотрении в административном порядке дел о государственных преступлениях евреев подвергать их исключительно высылке в Восточную Сибирь и полагающийся в таких случаях максимальный пятилетний срок увеличить для них до 10 лет. В результате резко возросла роль Якутской области как места штрафной ссылки в Восточной Сибири. Указ от 12 июня 1900 г. «Об отмене ссылки на жительство и ограничение ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным» резко сократил масштабы уголовной ссылки в Сибирь, оставил ссылку по политическим преступлениям, в том числе после отбытия каторжных работ. Поэтому после 1900 г. наблюдалось стабильное уменьшение числа ссыльнопоселенцев и увеличение количества административно-ссыльных. На основании указа от 21 октября 1905 г. была объявлена амнистия всем осужденным за политические преступления, но с начала 1906 г. возобновилась ссылка по политическим мотивам.

После революции 1905–1907 гг. в Сибирь хлынул поток политических ссыльных, для размещения которых все чаще использовались северные районы. Изменился социальный состав репрессированных в плане увеличения доли рабочих, крестьян, военнослужащих срочной службы. Согласно выборочным данным в 1914–1917 гг. среди ссыльнопоселенцев преобладали рабочие – 55,7 %, доля служащих составила 35,7 %, учащихся – 3,8 %. Пролетаризация ссылки не отразилась на уровне образования ее представителей. Число лиц, имевших начальное образование, составило 56,1 %, среднее – 14,9, высшее – 5,7 % [13, с. 24; 14, с. 224]. «Революция 1905 г. коренным образом изменила количественный и социальный состав политической ссылки, – резюмирует А.А. Иванов, – на смену народнической интеллигенции и недоучившимся студентам-разночинцам пришла “масса” – рабочие, ремесленники, крестьяне» [6, с. 125].

Изменение социального состава политических преступников повлияло на характер отношений с местным населением в местах отбывания наказания в плане заметного падения влияния ссыльных революционеров. Например, прокурор Якутского окружного суда в отчете за 1909 г. констатировал: «На крестьян же и якутов они не имеют никакого влияния, напротив, своими действиями, насилиями, угрозами, часто кражами терроризируют население, которое даже боится заявить властям о причиняемых им обидах, а только

ходатайствует, чтобы поселенных к ним политических ссыльных убрал от них и новых не посылали». Прокурор Красноярского окружного суда тогда же пришел к выводу, что сконцентрированные в Туруханском крае политические ссыльные «представляют значительную опасность не с точки зрения революционной силы, а с точки зрения общеуголовных законов» [15, с. 156, 157].

Ссылка на север преследовала также цель – исключить возможность побегов осужденных из труднодоступных районов. Подобная предосторожность давала положительный результат применительно к Якутии. Например, первый раз из Верхоянска пытались убежать в 1881 г.: пятеро политических ссыльных (В.Л. Серошевский, С.Е. Лион, И.Д. Царевский, В.И. Зак, В.П. Арцыбушев) планировали, погрузив продукты на лошадь, пешком спуститься к Лене и, обойдя Якутск с запада, добраться до Ленских приисков. Но беглецы заблудились в тайге и вернулись в Верхоянск. Вторая попытка имела место в мае–июне 1882 г. Те же самые, а также Е.П. Александров и Ф.Г. Лунг, построив с помощью скопцов лодки, решили спуститься на них по р. Яне до моря Лаптевых и дальше доплыть до Берингова пролива. Дойдя до устья Яны, остановились на длительный привал, так как они не могли двигаться дальше из-за сплошного льда; здесь стали дожидаться смены ледовой обстановки. Организованная исправником погоня окружила лагерь беглецов, и они без боя сдались. До Якутска с полюса холода в июле 1904 г. удалось добраться на купленных лошадях О.И. Виннику, А.Б. Гургенадзе и З.Н. Левину. Беглецы удачно миновали все засады и были задержаны у переправы на Лене около Якутска [16, с. 91–92]. Несколько удачных побегов совершили высланные на север Тобольской губернии. В 1907 г. по пути в Обдорск из Березова с помощью местных жителей скрылся Л.Д. Троцкий. Дважды оттуда же убежал В.П. Ногин.

Помимо побегов наиболее радикальной формой протеста политических изгнанников являлись вооруженные выступления. В марте 1889 г. в Якутске, собравшись в доме Монастырева, политические ссыльные отказались выполнять распоряжение об отправке их к месту отбывания наказания в Верхоянский и Колымский округа. Произошло вооруженное столкновение. Шестеро ссыльных были убиты в перестрелке, еще троих приговорили к смертной казни через повешение. В феврале 1904 г. в Якутске вооруженные ссыльные собрались в доме Романова и 18 дней сидели в осаде, требуя улучшения своего положения в местах водворения. Имея одного убитого и нескольких раненых, они сдались и были осуждены к различным срокам каторжных работ. Последняя крупная акция относилась к рубежу 1908–1909 гг., – она получила название «Туруханский бунт». 8 декабря 1908 г. на станке Осиново 20 политических ссыльных (9 анархистов, 6 социал-демократов, один эсер, один польский социалист, двое беспартийных) начали вооруженное выступление с целью сведения счетов со

стражниками и побега по побережью Северного Ледовитого океана за границу. Продвигаясь на север, ссыльные освободили ряд заключенных, убили трех стражников, помощника станового пристава, купца. 20 декабря в Туруханске они разгромили канцелярию станового пристава, изъяли казенные деньги, сожгли богатейший архив. Впервые в своей истории Туруханский край, Березовский и Сургутский уезды объявляются состоящими на положении усиленной охраны. 5 февраля 1909 г. в Хатанге беглецов настиг специально сформированный отряд из военных и добровольцев и после короткого боя в условиях полярной ночи, в котором погибло шестеро ссыльных и четверо солдат, взял их в плен. На обратном пути четырех боевиков убили преследователи, пятерых повесили по приговору военного суда, четырех осудили на каторжные работы.

Увеличение числа высланных в северные регионы Сибири привело к образованию их колоний в Березове, Сургуте, Самарово Тобольской губернии; Осиново, Подкаменной Тунгуске Енисейской; Качуге, Киренске, Усть-Куте – Иркутской; Амге, Вилюйске, Олекминске, Якутске – Якутской области. Центрами консолидации в таких образованиях выступали общественные столовые, которые функционировали за счет 1%-го отчисления месячного заработка ссыльного, неимущие освобождались от взносов. При ней, как правило, работали пекарня и магазин с относительно низкими ценами. Демократизация состава ссыльных заставила большую часть их зарабатывать на месте средства к существованию. Работали они грузчиками, пильщиками, заготовителями рыбы, орехов. Более образованные учительствовали, писали корреспонденции в местные газеты, собирали материалы для местных музеев, оказывали медицинскую помощь населению.

Таким образом, предпринятый краткий анализ политической ссылки в арктическую зону Сибири XVIII – начала XX вв. показывает, что до 1870-х гг. насильственное водворение сюда политических преступников осуществлялось спорадически. В последующем она производилась систематически применительно к Якутской области, Туруханскому краю и северным уездам Иркутской губернии. Ссылка преследовала цель изолировать революционеров и не предусматривала обременения их принудительным трудом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов А.А.* Предисловие // Сибирская ссылка: сб. науч. стат. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2009. Вып. 5. С. 3–6.
2. *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М.: Academia, 2002. Кн. 1. 328 с.
3. *Болгурцев Б.Н.* Командиры Охотского порта. Владивосток: Дальнаука, 2008. 184 с.
4. *Перцева Т.А.* Декабристы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Изд. «Историческое наследие Сибири», 2010. Т. 1. С. 466–470.
5. *Суворова С.И.* Декабрист Ф.П. Шаховской в Туруханской ссылке // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 143–148.

6. Иванов А.А. Киренская политическая ссылка // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. Вып. 7. С. 120–131.

7. Троев П.С. Влияние ссылки на культурную жизнь Якутии (60–90-е годы XIX века). Якутск: ГУП «Полиграфист», 1998. 358 с.

8. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка: учеб. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 192 с.

9. Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1991. 310 с.

10. Старостина М.И. Голова Колымского улуса Савва Тимофеевич Гуляев // Северо-Восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2012. С. 96–103.

11. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск, 1999. 47 с.

12. Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссылки участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

13. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. 190 с.

14. Щербakov Н.Н. Влияние политических ссылки пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1984. 348 с.

15. Кадиков Э.Р. «Население... ходатайствует, чтоб поселенных к ним политических ссылка убрала от них и новых не посылали»: К вопросу о культурном облике политической ссылки в Сибири в начале XX века // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–начале XX века. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 155–161.

16. Казарян П.Л. История Верхоянска. 2-е изд. Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2003. 206 с.

REFERENCES

1. Ivanov A.A. Foreword. *Sibirskaya ssylka: Sbornik nauchnykh statey*. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2009, issue 5. pp. 3–6. (In Russ.)

2. Fyodorov V.I. Yakutia in the Era of Wars and Revolutions (1900–1919). Moscow: Academia, 2002, Book 1. 328 p. (In Russ.)

3. Bolgurtsev B.N. The Commanders of Okhotsk Port. Vladivostok: Dalnauka, 2008, 184 p. (In Russ.)

4. Pertseva T.A. Decembrists in Siberia. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Izdatelskiy dom «Istoricheskoye nacleidiye Sibiri», 2010, vol.1, pp. 466–470. (In Russ.)

5. Suvorova S.I. Decembrist F.P. Shakhovskoy v Turukhanskoy ssylke. *Dekabristy i Sibir*. Novosibirsk: «Nauka». Sibirskoye otdeleniye, 1977, pp.143–148. (In Russ.)

6. Ivanov A.A. Kirenskaya politicheskaya ssylka. *Sibirskiy gorod XVIII–XX vekov*. Irkutsk: «Ottisk», 2010, vyp.7, pp.120–131. (In Russ.)

7. Troyev P.S. The Narodnik Exiles' Influence on the Cultural Life of Yakutia (1860s–1890s). Yakutsk: GUP «Poligrafist», 1998, 358 p. (In Russ.)

8. Kazaryan P.L. Yakutsk Political Exile. Training Aide. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1999, 192 p. (In Russ.)

9. Vladimir Germanovich Bogoraz-Tan and the North-East. Magadan: Magadanskoye kn. izd-vo, 1991, 310 p. (In Russ.)

10. Starostina M.I. Head of the Kolymskiy Ulus Savva Timofeyevich Gulyaev. *Severo-Vostok Rossiya na rubezhe XIX–XX vekov: vlast' i obshchestvo*: Materialy Vseros. Nauch.-praktich. Konf. Yakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2012, pp.96–103. (In Russ.)

11. Kazaryan P.L. Number and Composition of Participants of the Polish Uprising of 1863–1864 in the Yakutsk Exile. Yakutsk, 1999. (In Russ.)

12. Mulina S.A. Involuntary Migrants: Adaptation of the Exiled Participants of the Polish Uprising of 1863 in Western Siberia. SPb.: Aleteya, 2012, 200 p. (In Russ.)

13. Khaziakhmetov E.Sh. Siberian Political Exile 1905–1917. Tomsk: Izd-vo Tomsk. Gos. Un-ta, 1978, 190 p. (In Russ.)

14. Shcherbakov N.N. Influence of the Political Exiles – Proletarian Revolutionaries on the Cultural Life in Siberia (1907–1917). Irkutsk: Izd-vo Irkutsk.gos.un-ta, 1984, 348 p. (In Russ.)

15. Kadikov E.R. «People... petition that political exiles who have been lodged in their houses be removed and never sent to them again»: On the Question of Cultural Image of Political Exile in the Early XX Century. *Khozyaystvennoye i kulturnoye razvitiye Urala i Sibiri v XIX – nachale XX veka*. Tomsk: Izd-vo gos. arkhит.-stroit. un-ta, 2012, vyp.4, pp.155–161. (In Russ.)

16. Kazaryan P.L. Istoriya Verkhoyanska. 2nd ed, Yakutsk: YaF Izd-va SO RAN, 2003, 206 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016